

веднее». Тредиаковский, защищая русскую схоластику XVII в., с которой он и сам преемственно связан, защищая тем самым и себя от модернизированного и европеизированного классицизма Сумарокова, презиравшего даже Кантемира, в то же время понимал эту схоластическую традицию уже в плане национальной идеи и поисков собственных старинных истоков искусства.

Такая позиция Тредиаковского определяет многое в его языковой и литературной политике, в его конкретной критической деятельности. В «Разговоре об орфографии» он формулирует среди других такое «основание» своей теории: «Российская орфография ни самая малая нужды не имеет быть подобна всякой чужой, которая способ всеконечно не может быть годен к ее употреблению, а напротив того, самую основательную и твердую причину имеет быть по своей природе и по имени российския свойственно российской: ибо, по разуму, не должно следовать чужому образцу, ежели оный совершенно не годен собственному в какой-нибудь вещи способу и ей самой не сроден». Эта формулировка легла в основу понимания Тредиаковским и отношения русской литературы к западной.

В соответствии с этим Тредиаковский произвел в своих многочисленных трудах критический пересмотр всего литературного наследия человечества, доступного ему. Он использовал при этом и западных критиков, в частности французских, нередко черпая у них критические оценки, потому что его задача двойная: с одной стороны, он стремится включить русскую литературу в систему европейских литератур и сообщить ей совокупность взглядов и норм классицизма; с другой стороны — чем ближе к концу его деятельности, тем более проступает у него тенденция в системе общеевропейского классицизма найти своеобразное место для русской литературы, тенденция, в перспективе уже подтачивающая классицизм. Отсюда принцип отбора и оценки чужих явлений культуры.

Так, Тредиаковский дал подробный и восторженный разбор обеих гомеровских поэм — «Илиады» в предисловии к «Тилемахиде», «Одиссеи» — в «Изъяснении» к «Аргениде». В том же предисловии к «Тилемахиде» он дает характеристику «Энеиды» и самого романа — эпоса Фенелона. Еще раньше он дал отбор имен — образцов в различных жанрах в трактате 1735 г.; такие же отборы с критическими характеристиками даны в статьях об оде и о комедии. При этом Тредиаковский, склоняясь перед авторитетом нормы классицизма, вовсе не намерен считаться со всеми авторитетами западной критики и русского общественного мнения, шедшего, как ему казалось, на поводу у Запада. Так, признав еще в 1735 г. достоинства Вольтера («Молодой хоть в них Волтер, но весьма чист в слоге» — «Эпистола к Аполлину»), позднее Тредиаковский считает возможным осудить «Генриаду», в те времена высоко превознесенную всей Европой («Предъязнение